

0,52% от общего числа отменённых или изменённых приговоров были отменены по причине несправедливости приговора.

Как регламентировано ч. 2 ст. 389.18 Уголовно-процессуального кодекса РФ несправедливым называется приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Обратим внимание на вышеприведённые формулировки. Их содержание позволяет установить, какими свойст-

вами государство наделяет справедливый приговор: наказание должно соответствовать тяжести преступления и личности преступника, быть соразмерным деянию; преступление должно быть правильно квалифицировано (правильное применение особенной части Уголовного кодекса РФ).

В связи с этим можно резюмировать, что принцип справедливости в уголовном праве – очень важный аспект, составляющий смысл существования уголовной политики; в каждом историческом периоде понятие справедливости трактуется по-своему, исходя из особенностей государственно-общественного развития, поэтому с течением времени преобразуется и восприятие принципа справедливости и в целом уголовного права.

Ботвин И.В.,

DOI 10.51980/2021_2_133

кандидат юридических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России

Принципы уголовного закона: основные начала или источник неопределенности

В последние годы на страницах юридической литературы развернулась активная полемика о необходимости концептуальных изменений действующего уголовного закона от коренного изменения редакции действующего УК РФ до принятия нового.

В этих условиях существенное влияние на законодателя должны оказывать принципы, закрепленные в УК РФ. Они представляют собой концептуальные начала, своего рода опорные точки, в которых концентрированно выражена сущность отрасли права. Они играют ключевую роль в правовом регулировании, от создания норм до их конечной реализации.

Вместе с тем существующие принципы уголовного права (ст. 3-7 УК РФ) постепенно утрачивают свою фундаментально-стабилизирующую функцию и не в силах сдержать законодателя от внесения в уголовный закон хаотичных, бессистемных и зачастую эмоциональных изменений, которые идут вразрез с общими

началами уголовного права. В подтверждение сказанному можно привести многочисленные новшества, нашедшие отражение в УК РФ, целесообразность которых не всегда находит объяснение у теоретиков и правоприменителей.

Примером может явиться появление в Особенной части УК РФ ст. 159.1-159.6, 171.3, 171.4, 200.1, 210.1, 285.1-285.4 и других. Приведенные статьи ни что иное, как частное отражение общей тенденции, подтверждающей, что на сегодняшний день принципы уголовного права не представляют собой тот ценз, через критику которого вводятся новые уголовно-правовые запреты.

При кардинальной смене абсолютно всех сфер общественных отношений законодатель стремится конкретизировать каждое новое деяние, которое находит отражение в статьях Особенной части УК РФ (при этом нормы Общей части подвергается изменениям крайне редко). Возникает справедливый вопрос о том,

знает ли законодатель, в каком направлении он движется и руководствуется ли концептуальными началами (в том числе принципами) при конструировании новых норм уголовного права?

По нашему мнению, на данный вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку сверхконкретизация уголовно-правовых запретов сама по себе говорит о неопределенности законодателя в выборе концепции. В такой ситуации уже не могут быть прежними и принципы уголовного закона. Парадоксален и тот факт, что пока они и не могут поменяться, поскольку неизвестны даже направление и цель движения. С другой стороны, имея цель добиться правовой определенности, законодатель просто вынужден (другого выбора нет) идти по пути максимальной конкретизации.

Таким образом, неопределенность законодателя порождает неопределенность уголовно-правовых методов и конкретных средств реагирования на происходящее. При этом отраслевые принципы, как гарант стабильности уголовного закона, остаются не у дел. Между тем, они сами по себе порой выступают причиной неопределенности: каждым субъектом правоприменительной деятельности содержание того или иного принципа и его практическое воплощение понимается исходя из личного правосознания, практического опыта, компетентности и других факторов как объективного, так и нередко субъективного характера. На основании этого возникают трудности в ходе их практической реализации, что порождает и неоднородность судебной практики.

Так, существование п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ (признаниеотягчающим обстоятельством того факта, что лицо, совершившее преступление, является сотрудником органов внутренних дел) и ст. 76.1 УК РФ (в части поощрительных норм в отношении предпринимателей) не согласуется с принципом равенства граждан перед законом; ст. 28 УК РФ оставляет

возможность для нарушения принципа вины, допуская объективное вменение; регламентация ч. 6 ст. 15 УК РФ, ст. 64 и 73 УК РФ стирает границы судейского усмотрения, подрывая фундамент принципа справедливости и принципа законности. Череду примеров можно продолжать.

Надо сказать, что неопределенность именно в реализации принципов уголовного права в последние годы стала проявляться лишь в позиции законодателя, то есть на самом волевом уровне. По сути, отраслевые принципы и правотворческая деятельность законодателя существуют сами по себе.

Игнорирование законодателем принципов уголовного права, которые сами по себе имеют огрехи в регламентации и порождают неопределенность, представляет собой замкнутый круг, радиус которого расширяется пропорционально активности законодателя по внесению изменений в действующее уголовное законодательство. Проблема усугубляется и тем, что как таковой внятной и осознанной уголовной политики в настоящее время в Российской Федерации, по сути, не существует и, по-видимому, в ближайшие годы конструктивных изменений в действиях законодателя не предвидится.

По мнению многих ученых (с которым сложно не согласиться), условная точка невозврата в данной проблеме давно преодолена¹ и с позиции существующего подхода к модификациям уголовного законодательства едва ли возможно исправить сложившуюся ситуацию. Представляется, что назрела острая необходимость в комплексном и всестороннем изучении и выстраивании системы особого уголовно-правового явления – общих начал уголовного права, где ключевое место должен занять пересмотр отношения к отраслевым принципам.

Можно полагать, что постоянное обновление действующего УК РФ как средство совершенствования уголовного законодательства себя исчерпало. В данном контексте консерватизм уголовного права

¹ См., напр.: Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: асцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 62-70; Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1.

в дальнейшем будет все болезненнее сказываться как на состоянии самой отрасли права, так и на практической сфере ее применения в силу ключевой значимости для общественных отношений. Это должно способствовать консолидации усилий (в большей части научного сообщества) по принятию нового закона.

Вместе с тем отказ от устоявшихся представлений должен ознаменоваться

четкой концепцией о том, в чем конкретно необходимость создания нового подхода, какие ошибки были допущены, как их избежать и какой вектор нужно для этого принять. Однако с существующей позицией и в условиях процветающей неопределенности уголовного права дать четкого и обоснованного ответа на поставленные вопросы нельзя.

Пономарева В.В.,

DOI 10.51980/2021_2_135

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Из Абхазии выдачи нет: коллизии судебного толкования принципа *ne bis in idem*

Современный коммуникативный процесс в международных отношениях, предопределенный необратимым характером глобализации как основной закономерности развития XXI в., обозначил необходимость разработки конвенционной основы механизма мирного решения проблем непризнанных либо частично признанных государств, к числу которых следует отнести Абхазию. Несмотря на признание Республики Абхазия со стороны России, международное сообщество в целом рассматривает Абхазию в качестве сепаратистского региона Грузии. Согласно ст. 11 Конституции Республика Абхазия признает верховенство права и права человека, однако исполнение этих обязательств зачастую не представляется возможным вследствие системных проблем судебной системы, типичных на постсоветском пространстве (коррупция, клановость, давление общественного мнения на судью и пр.), отсутствия права на международное правосудие.

В этой связи особое значение приобретает решение актуальных проблем международного сотрудничества России и стран постсоветского пространства в сфере уголовной юстиции и оказания

международной помощи по уголовным делам, а именно: улучшение сотрудничества национальных правоохранительных органов по противодействию преступлениям террористической направленности, международному наркотрафику, торговле оружием и отмыванию нелегальных доходов, расширение оснований экстрадиции для уголовного преследования, необходимости устранения взаимных препятствий для выдачи обвиняемых лиц, имеющих, как правило, два гражданства, одним из которых является гражданство России.

Внимание автора привлекли обстоятельства уголовного преследования Смыра Г.В., поскольку это было первое уголовное дело, которое рассматривалось между Россией и Абхазией¹.

Итак, гражданин России Смыр Гурам был обвинен в совершении 12 августа 2006 г. в г. Иркутске убийства двух лиц из корыстных побуждений. Некоторое время спустя был задержан и осужден исполнители (ст. 316 УК РФ), уголовное преследование в отношении их прекращено в связи с истечением сроков давности, тогда как сам Смыр Г.В. скрылся в Абхазии и получил там гражданство.

¹ Кстати, в январе 2021 г. появилась информация о подобных делах об экстрадиции лиц, имеющих одновременно гражданство Российской Федерации и Абхазии, обвиняемых правоохранительными органами России в совершении умышленных убийств и иных тяжких преступлений на территории Российской Федерации.